

УДК 63 (091)(476)

А.Ю. Бодак*канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ
НАКУНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена процессу коллективизации в Западных областях Белоруссии накануне Великой Отечественной войны на примере Ганцевичского района. Он являлся типичным районом Полесья, его история в этот период очень подробно отражена в документах Брестского областного архива, и на его примере можно изучать аналогичные процессы в регионе Полесья в целом. Здесь довольно ярко видно, как в процессе коллективизации сочеталась как насильственная практика, так и добровольные аспекты. Власть при этом училась на своих ошибках и училась понимать специфику региона.

Введение

Ганцевичский район преимущественно аграрный, и вопросы аграрного строительства естественным образом становятся основными при рассмотрении жизни района в различные периоды его истории. С приходом Советской власти коренным образом изменилась жизнь деревни и традиционный уклад местных жителей. Осенью 1939 г. было покончено с помещичьим, а в феврале 1940 г. и осадничьим землевладением. Земля оказалась закреплена за теми, кто непосредственно на ней трудился. Однако логика дальнейшего утверждения новой власти требовала очередного шага в этом направлении. Им и стала коллективизация сельского хозяйства.

Власть подошла к решению проблемы осторожно: учитывала негативный опыт в Восточной Беларуси 1929–1930-х гг. Кроме того, западные районы стали потенциально «прифронтовыми» в грядущей войне, и задевать понапрасну местное население было бы по меньшей мере глупо. Вот почему коллективизация предвоенного времени не стала массовой, и власть в большей мере не настаивала на форсировании процесса. Разумеется, и здесь не обошлось без ошибок и перегибов, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило за 10 лет до этого на востоке республики.

Коллективизация официально стартовала в Полесском регионе в феврале 1940 г. 20 февраля райком получил первые сведения о ходе подачи заявлений в колхозы: Денисковичи – 262 заявления из 492 хозяйств, Круговичи – 50 из 144, Локтыши – 38 из 225, Роздяловичи – 59 из 138, Чудин – 290 из 319 [7, л. 6]. К 1 марта 1940 г. райком констатировал, что уже организованы колхозы имени Сталина в Денисковичах (278 хозяйств) и имени Молотова в Чудине (293 хозяйства) [7, л. 2]. Поступило к этому времени ещё 564 заявления, и райком решил начать работу по организации колхозов в Круговичах, Локтышах, Любашеве, Роздяловичах, Великом Рожане и Мальковичах [7, л. 2]. В тот же день в райцентр поступило 255 заявлений из д. Будча (там всего насчитывалось 262 хозяйства), решили колхоз создать и там [7, л. 2]. Как видим, поначалу идея коллективизации встретила у крестьян положительное отношение. Вряд ли приходится говорить о каких-либо подтасовках или насилии по отношению к подавшим заявления – люди встретили нововведение в рамках общего позитивного восприятия новой власти, даже во многом не понимая, что это такое. По состоянию на 8 апреля 1940 г. три первых колхоза в районе объединили 659 хозяйств [3, л. 22].

В первых колхозах развернулась работа по обобществлению скота, земли и инвентаря [1, л. 49]. Обобществление, особенно для тех крестьян, у которых имелось в до-

статочном количестве и качестве то, что надлежало бросить «в общий котёл», стало неприятной новостью. Для помощи в организационной работе к хлебным обозам в колхозах закреплялись комсомольцы, при председателях колхозов были закреплены коммунисты для оказания консультаций: в колхозе имени Сталина – Кацуба и Чеботарёв, в колхозе имени Молотова – Молчанов и Скитович [1, л. 49]. В колхозы были высланы книги учёта и другая документация. Так же стали просить направить в район 2-х агрономов, старшего зоотехника, старшего ветеринарного врача (в марте 1940 г. их обязанности выполняли специалисты, доставшиеся от прежней польской администрации и в коллективизации, естественно, ничего не понимавшие). Одновременно были приняты меры к завозу недостающих семян кормовых трав и удобрения.

В период подготовки к весеннему севу 1940 г. проявились первые трудности. Началась усиленная антиколхозная агитация противников коллективизации. В конце марта 1940 г. райком констатировал, что «вражеские группы работают в Чудино и Денисковичах» [5, л. 46]. Иногда против колхозов выступали и местные руководители (правда, из лучших побуждений). Так, председатель Денисковичского сельсовета выступил против организации колхоза в д. Еськовичи, заявив, что там плохая земля и толку не будет [1, л. 46]. Иногда власть своей нерасторопностью сама создавала проблемы. Один из секретарей райисполкома Дёмин признавал в марте 1940 г.: «Мы организовали колхозы, а руководство ими не возглавили, выбрали председателей, которые ничего о колхозах не знают» [1, л. 46]. Имели место случаи, когда в нужный момент специалисты районного земельного отдела вместо оказания помощи крестьянам отсиживались в райцентре; приехавшим за машинами для очистки семян из Великого Рожана и Кругович пришлось уехать обратно из-за отсутствия на рабочем месте специалистов [1, л. 46].

Некоторые кулаки начали дробить свои хозяйства: они стали вступать в колхозы (отметим, что на востоке БССР вступление *кулака* в колхоз было практически невозможно, здесь же это станет довольно распространённой практикой). При этом они оставляли себе для обобществления самый плохой скот, а лучшие скот и имущество делили между своими сыновьями, которые в колхоз не шли: хватит-де в родне и отца колхозника [1, л. 46].

С обобществлением скота и имущества дело шло туговато. К началу апреля 1940 г. в колхозе имени Сталина «обобществились» 200 хозяйств, в колхозе имени Молотова – 17 коней и 80 хозяйств (инвентарь и семена). Райком считал, что медленные темпы обобществления скота зависели от того, что помещения для его содержания не были достроены [4, л. 9].

Хотя к началу апреля в райкоме лежало уже полторы тысячи заявлений о приёме в колхозы, начался и отток. Сначала забрали заявления 6 человек из колхоза имени Сталина якобы из-за слабого здоровья или необходимости строить дома [1, л. 46]. Там же 2 апреля прямо перед севом несколько колхозников забрали своих коней (правда, свои же односельчане поговорили с ними так, что кони вернулись на место). Другие колхозники этого колхоза выступили против посылки сюда тракторов: «Приедут на тракторах и весь хлеб вывезут» [4, л. 9–10]. В Чудине поползли слухи, что «Англия, Франция и Германия при помощи Америки весной пойдут против советской власти и тогда будет плохо колхозникам» [4, л. 9–10]. Отсталая часть населения, которая не разбиралась, кто с кем воюет в мировой войне, была готова верить любым слухам.

Иногда сами руководящие работники районного звена недорабатывали в агитации за колхозы, а, может быть, не находили необходимой струны, зацепив которую, могли бы переломить ситуацию в свою пользу. Но это были трудности временного характера, власти предстояло ещё очень много и долго учиться выстраивать отношения

с местным населением в проблемном полесском регионе. Так, после месячной подготовки председатель райисполкома Смоляков поехал в д. Будча, где на конец марта 1940 г. имелось 258 заявлений о вступлении в колхоз. Что произошло во время его встречи с жителями деревни, неясно до сих пор, но после его отъезда осталось только 50 заявлений (одна из версий, озвученная местным жителем, звучала так, что предрайисполкома заявил: «Кто хочет в колхоз – останьтесь, а остальные покиньте помещение» [3, л. 8]). Аналогичный случай произошёл в д. Еськовичи, где из 137 заявлений осталось только 17 [4, л. 9–10]. Райком поначалу не хотел признавать собственные просчёты и видел главную причину проблем в «сильно развёрнутой контрреволюционной работе» [4, л. 9–10]. Таковая, впрочем, так же имелаась. В беседах уполномоченных с местными жителями на тему отзыва своих заявлений, имелись ответы типа «в нашей деревне были люди *из Советского Союза* (курсив наш – А.Б.; видно, что некоторые местные жители ещё не видели себя полноценными советскими гражданами) и рассказывали, что колхозники там голодают, им продуктов не дают и не дают корма для колхозного скота» [4, л. 9–10]. Органы НКВД в апреле 1940 г. установили, что из одного из восточных бывших приграничных районов – Краснослободского – приходят неизвестные люди, «проводят контрреволюционную агитацию, связываются с попами, солтысами и другими классово чуждыми элементами и вместе проводят работу по развалу колхозов». Подливали масла в огонь, может, неосознанно, и отдельные специалисты «восточники». Так, зоотехник РайЗО (в прошлом сын крупного торговца), будучи в колхозе имени Сталина, пустил там слух, что вместо колхоза здесь образуют совхоз. Местные жители, уже насмотревшись на негативный опыт создания совхоза в Огаревичах, потребовали выхода из колхоза. Инцидент замяли, сняв с работы непрошенного «предсказателя» [4, л. 9–10].

Весенний сев 1940 г. прошёл под непрерывным давлением райкома и райисполкома, постоянно раздававшим приказы, распоряжения и инструкции председателям колхозов, агрономам, руководству МТС. Не взирая на определённую нервную рабочую атмосферу, колхозы провели весенний сев успешно и доказали свою жизнеспособность, хоть и при имевшихся проблемах.

В мае – июне 1940 г. вопросы дальнейшей коллективизации неоднократно подымались районным руководством, и единодушия здесь не было. Директор МТС Бублис считал, что «надо быть смелее» и не дожидаться, пока не поступят заявления от 70% жителей, а создавать новые колхозы «прямо сейчас» [3, л. 58]. Райком был не столь категоричен. Он критиковал отдельных коммунистов за спешку, например, Скитовича и Чеботарёва, поехавших в д. Великий Рожан и самостоятельно создавших там колхоз. Он оказался организационно не закреплён и тут же самораспустился [3, л. 55].

Вместо торопливых решений предлагалось усилить работу по поддержанию уже имевшихся и доказавших свою состоятельность коллективных хозяйств. В июне 1940 г. члены райкома и райисполкома были закреплены за колхозами под персональную ответственность: Леоненко за колхозом имени Сталина, Бусела за колхозом имени Молотова, Чеботарёва за колхозом имени 17 Сентября; туда же были направлены подготовленные и знающие учёт комсомольцы [2, л. 68]. Райкомом же принимались меры по недопущению использования колхозников на различных внеколхозных работах, чем увлекались различные районные конторы [3, л. 67]. Один из «конторских» начальников заработал выговор по партийной линии за такое самоуправство. Таких били документом, который на местах называли в просторечии «6 условий товарища Сталина об организованном наборе рабочей силы» [3, л. 68].

Райотдел милиции всё лето 1940 г. потратил на налаживание охраны колхозного имущества. Оно сначала охранялось сторожами – стариками. Стали подключать к охра-

не комсомольскую молодёжь [3, л. 68]. Решались и специфические проблемы: в Денисковичах вместо строительства помещения для скота разместили ясли прямо в доме местного священника, при этом оставив его жить в окружении соответствующих запахов. Заведующий партийным кабинетом райкома Суранова дала за это нагоняй руководству сельсовета [3, л. 65]. Остро стояла проблема с растащенным по личным хозяйствам помещичьим инвентарём, который изначально предназначался для коллективных хозяйств. Летом 1940 г. инвентарь в целом перешёл в колхозы [3, л. 65, 68]. Большое внимание было уделено резкому увеличению объёма работы кузниц: местные кузнецы в короткий срок должны были изготовить большое количество серпов для уборочной страды [3, л. 68]. Иногда приходилось защищать колхозы от завышенных расценок за работу МТС: в феврале 1941 г. прокуратура признала незаконность огромного счёта, выставленного МТС колхозу имени Молотова [7, л. 50]. Вышеперечисленная рутинная работа требовала постоянного внимания, и районное руководство здесь работало не только за совесть, но и за страх: перед глазами постоянно висел отрицательный пример в виде Давид-Городокского района. Областной комитет партии именно за просчёты в работе с колхозами в начале 1941 г. там снял с работы 1 и 2 секретарей райкома и председателя райисполкома [7, л. 63].

Вся эта работа проводилась в условиях явного и неявного сопротивления колхозному строительству части кулаков и разочаровавшихся в коллективизации крестьян. Ряд кулаков заставлял бедноту ходить по деревням и агитировать против колхозов, некоторые из них, записавшись в колхозы, разлагали их изнутри. Иногда местные активисты считали за врагов тех, кто пытался критиковать колхозные недостатки, что не добавляло им авторитета [3, л. 109]. Было и вредительство: одна из колхозниц вместо зерна на сдачу государства сдала 16 кг песка [3, л. 79].

Осенний сев, как и весенний, так же прошёл под аккомпанемент приказов и инструкций, и так же успешно, не смотря ни на что. Сеялки в колхозы пришли в сентябре 1940 г. с запозданием, и колхозники, не став дожидаться обещанной техники, большую часть сева провели вручную [2, л. 156–157].

Уборка урожая 1940 г. проходила под неусыпным контролем государства, и некоторые моменты этого контроля могли озадачить местных жителей, как-то веками привыкших мыслить сельскохозяйственными категориями и без накрутки сверху. Так, инструкция по проведению уборки колхозами была лично подписана самим И.В. Сталиным: «В целях проведения уборки в сжатые сроки рекомендовать колхозам в первые 15–20 дней уборки и обмолота колхозникам, занятым на обслуживании комбайнов и вручную, на вязке, укладке, возке снопов, на скирдовании хлеба и соломы, на подгребании колосьев, на зерноочистке, а так же на всех работах по обмолоту начислять трудодни при выполнении дневной нормы в двойном размере» [5, л. 9]. Кроме этого колхозы получили так же лично подписанную И.В. Сталиным телеграмму серии «Г»: «Покончить с тем, что колхозники, совхозники и работники МТС вместо того, чтобы выходить на работу в 5–6 часов утра, выходят в 8–9 часов и заканчивают работу раньше захода солнца. Проверить оборудование полевых станков, кухонь, чтобы работники не возвращались на обед и на ночь в село и не тратили дорогое рабочее время на это» [5, л. 2].

Хотя не всё так просто с указанными директивами: колхозники действительно выходили на работу поздно, а поскольку общественное питание на уборке практически не было организовано, то это тормозило проведение ряда работ, особенно недотягивали колхозы по сенокосу (в июле 1940 г. – вдвое меньше установленной нормы) [2, л. 107]. Иногда люди начинали откровенно сбиваться с толку – так, стоило председателю колхоза имени Сталина Минченкову отлучиться с 12 на 13 октября 1940 г. в райцентр на пар-

тийное собрание, работники оставили в бурте только что собранную картошку незакрытой. Она, естественно, позеленела. Вместо того, чтобы спросить с конкретных виновников, райком выдал свою версию события: «РайЗО, агрономы и МТС *не разъяснили* (курсив наш – А.Б.) колхозникам, как производить буртование и хранение» [6, л. 38], как будто взрослые, выросшие на земле люди впервые столкнулись с такой проблемой.

Итоги сельхозработ 1940 г. были подведены в ноябре. Считалось, что колхозы имени Сталин и имени Молотова добились хорошей урожайности в 13–15 центнеров зерновых с гектара (ныне это звучит иронично, но тогдашний уровень агротехники тоже необходимо учитывать), картофеля – 230–240 центнеров с гектара [2, л. 258]. Правда, в январе 1941 г. в отчётах уже фигурировали несколько иные данные. Однако в любом случае они показывали явное лидерство колхозов над мелкими индивидуальными хозяйствами района: если урожайность ржи в среднем по району составляла 8 ц/га, то в колхозах – 12,45 ц/га, проса – 9 против 16,37 в колхозах, картофеля – 90 против 150, овса – 6 против 12,03 [8, л. 18]. Успехи колхозов района в первый год своей работы дали им право послать своих представителей на Всесоюзную Сельскохозяйственную выставку в Москву [7, л. 65].

На радостях от успехов руководство колхоза имени 17 сентября в Роздяловичах решило повысить своим работникам нормы выдачи и раздали продукты не по трудодням, а по душам: проса выдали по 255 граммов на человека вместо положенных 77, гречки 300 вместо 160, соломы раздали поровну по 80 кг на двор. К людям подошли полюдски. Но тут вмешалась власть (нарушение принятых государством норм!), и прокурору было предписано виновных наказать [2, л. 256–258]. К слову, любой властный чих подлежал строгому задокументированию. Сведений, что кого-то здесь наказали, нет. Скорее всего, районный прокурор решил не портить и без того непростую жизнь колхозникам. По крайней мере, упомянутые 1 000 пудов государственной соломы, розданные колхозникам, вплоть до конца весны 1941 г. никакого интереса у прокуратуры не вызывали [8, л. 56–59]. То же самое касалось и факта продажи председателем колхоза имени Сталина Минченковым без ведома общего собрания 7 откормочных кабанов и 30 обобществлённых саней (колхозу позарез нужны были деньги на проведение весеннего сева, а соответствующие финансовые органы молчали) [8, л. 56–59]. Так что власть не была неадекватной, и без особой огласки (с учётом непростого времени) в особых случаях старалась не задевать людей понапрасну.

К своему последнему довоенному севу (весеннему 1941 г.) колхозы подошли в традиционной атмосфере «накачки» из района. Большой проблемой стало плохое качество очистки семян, в первую очередь технических и кормовых культур. Очищали семена весь февраль и март 1941 г. [8, л. 33, 45]. Тягловая сила – лошади – была не в лучшем состоянии: более 50% их было в состоянии ниже средней упитанности (зимой нерационально распорядились с кормами) [8, л. 45, 119]. План вывозки навоза предусматривал сделать это в феврале. В итоге прямо в снег засыпали в колхозе имени Молотова 376 центнеров из запланированных 432, в колхозе имени Сталина – 280 из 925. Колхозы имени Ленина и имени 17 Сентября решили повременить [8, л. 44–45]. Семенной клевер хозяйствам отпустили не за бесплатно: государство меняло 1 центнер семян клевера на 4 центнера зерновых культур, или на 2 центнера семян льна, или на 3 центнера других масличных культур [8, л. 75].

Иногда районное начальство подменяло собой те структуры в колхозах, которые могли бы наладить работу более толково, применительно к своим конкретным условиям: составляло рабочие планы, организовывало нормирование и учёт труда, развёртывало соревнование среди бригад и звеньев [8, л. 44–45]. Имела место и некоторая нераз-

бериха с техникой. В крупнейший колхоз района – имени Сталина – нагнали тракторов, но забыли о горючем. Колхоз имени 17 сентября, наоборот, вообще не получил трактора. Начальник политотдела МТС Каган заявил, что там очень мало земли, и из-за неё «нечего гонять технику». В райкоме его оборвали: «Помогать будете всем» [7, л. 104]. В конце концов заведующий РайЗО Чеботарёв в середине апреля 1941 г. получил 2 недели для устранения всех недостатков при проведении сева под личную ответственность [8, л. 119]. Однако к середине мая 1941 г. план сева по району был выполнен на 47%, а по колхозам – на 40% [8, л. 177].

В то же время, держа под контролем колхозы, районное руководство оказывало действительно нешуточную помощь своим как бы потенциальным конкурентам – единоличникам. Они должны были понимать, что власть эта и для них. Частникам помогали и с ремонтом инвентаря, причём, через мастерскую государственного учреждения – МТС, и помогали очищать семена, помогали вывозить навоз на поля (в апреле 1941 г. райком «врезал» директору МТС Бублису и заведующему райЗО Чеботарёву за то, что единоличники оказались не полностью подготовленными к севу) [7, л. 109].

Вопросы колхозного строительства занимали партийные органы вплоть до самого начала войны. В мае 1941 г. райком поднимал эту тему трижды. Отмечалось, что руководство Денисовичского и Чудинского сельсоветов, их председатели Рулинский и Денисеня постоянно помогают колхозам имени Сталина и имени Молотова, и это положительно сказывается на их работе. А вот колхозам имени Ленина и имени 17 Сентября местное руководство не помогало, ударившись в пьянство и склочное выяснение отношений между собой. В итоге там часть земли и скота разворовали единоличники при попустительстве самих колхозников [10, л. 79–80]. Анализируя итоги деятельности по созданию колхозов, райком болезненно реагировал на провал подобных попыток в 1940 г. в д. Будча и Великий Рожан. Констатировалось, что недостаточно интенсивно идёт выдвижение женщин на должности председателей, бригадиров, заведующих фермами [8, л. 155]. Вызывала тревогу частая смена председателей: за 1940 г. в 4-х колхозах района сменилось 8 руководителей, в колхозах имени Молотова и имени 17 Сентября такое случилось по 2–3 раза [8, л. 169].

В начале июня 1941 г. в район пришла бумага из Москвы и Минска, которая свидетельствовала, что советское руководство было настроено всерьёз оценить итоги начального этапа коллективизации и искренне хотело улучшить положение дел в этом вопросе путём глубокого системного анализа происходивших здесь процессов. Документ, который назывался «Краткая программа по изучению вопросов хода дальнейшей коллективизации и выходов из колхозов западных областей БССР», предполагалось распространить во всех звеньях управления районом. Нет нужды подробно излагать содержание этого документа, достаточно сказать, что в нём предлагалось изучить различные стороны организации и учёта труда колхозников (достижения и просчёты), анализ мотивации их труда, имущественное состояние колхозов и самих колхозников, состояние единоличников (вливают ли на работу колхозов и как с ними выстроены отношения). Большое внимание уделялось анализу причин выхода крестьян из колхозов, причём имел место явный отход от прежних истерик, обвинявших в этом «вражью пропаганду», и поворот к объективному поиску этих причин. Уделили внимание и мнению колхозников о жизни в колхозе, их отношению к обобществлениям имущества, скота и инвентаря, причём отдельно учитывался взгляд на эту проблему бедняков, середняков и кулаков (говоря о последних, видим явно трезвый подход к делу: кто бы их мнение спрашивал 10 лет назад на востоке БССР?) [9, л. 14–15]. В общем, документ в высшей степени интересный. Подвести итоги первого года существования колхозов района

и весеннего сева 1941 г. предполагалось на совещании председателей сельсоветов и постоянно действующих комиссий, председателей колхозов, бригадиров, животноводов и специалистов сельского хозяйства [8, л. 222]. Назначено оно было на 22 июня 1941 г.

Заклучение

Проведение политики коллективизации на Полесье накануне Великой Отечественной войны на примере Ганцевичского района показывает имевшиеся перегибы, попытки администрирования и отсутствие знания специфики региона в отдельных случаях. Однако здесь учитывался негативный опыт коллективизации в БССР 1929–1933 гг., и многие её аспекты сознательно смягчались властью, и принцип добровольности всё-таки имел место. Кроме того, власть была обучаемая, она постепенно училась принимать во внимание настроения людей и объективные обстоятельства, которые либо способствовали, либо в конкретных случаях препятствовали проведению коллективизации. В итоге данный процесс мог в регионе пройти эволюционно, если бы его не прервала война.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганцевичский райком КПББ. Бюро райкома. 30.03.1940 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 5.
2. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний бюро райкома. 9 апреля – 30 декабря 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 6.
3. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы районных общих партсобраний. 12.02.1940 – 17.11.1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 7.
4. Ганцевичский райком КПББ. Докладные записки райкома в Пинский обком КпББ о ходе выборов в Верховные Советы СССР и БССР, об организации колхозов, о госпоставках сельхозпродуктов государству по Ганцевичскому району и др. 28 февраля – 29 декабря 1940 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 14.
5. Ганцевичский райком КПББ. Телеграммы директивного характера, поступившие в район из Пинского обкома // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 15.
6. Ганцевичский райком КПББ. Справки о состоянии работы колхозов района // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 41.
7. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы районных партийных собраний. 01.01.1941 – 25.05.1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 91.
8. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний райкома. 06.01.1941 – 17.06.1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 92.
9. Ганцевичский райком КПББ. Справки и сведения о состоянии работы колхозов им. Сталина и им. Молотова // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 119.
10. Ганцевичский райком КПББ. Справки и докладные записки райкома КПББ о проверке работы сельсоветов района. 9 января – 21 мая 1941 г. // ГАБО. – Ф. 2219-П. Оп. 1. Д. 121.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.09.2015

Bodak A.Yu. Collective Farm Construction in Gantsevichi District before Great Patriotic War

The article is devoted to the process of collectivization in western regions of Belarus on the eve of World War II as an example of Hantsavichy area. It was a typical area of Polesie, its history during this period in detail is reflected in the documents of Brest regional archive, and its example can study similar processes in the region of Polesie as a whole. There is quite evident that in the process of collectivization forced practices as well as voluntary aspects were combined. The power thus learned from its mistakes and learned to understand the specifics of the region.